

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

Зарождение и становление «ученого сословия» в России

В статье в обобщенном виде представлен процесс становления и развития российского «ученого сословия» – корпорации преподавателей и профессоров российских университетов. Отмечается временная вторичность данного процесса по отношению к Западной Европе, относительная немногочисленность личного состава «ученого сословия» при одновременных серьезных успехах созданных научных школ в области естественных и точных наук. Подчеркивается особая роль российского государства в становлении и развитии «ученого сословия». Анализируются права и обязанности преподавателей и профессоров российских университетов. Отмечается высокий, привилегированный социальный статус представителей «ученого сословия» российских университетов.

Ключевые слова: императорские университеты, государственный протекционизм высшего образования, университетский Устав, «ученое сословие», компактность, эффективность, привилегированный статус.

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

Origin and Development of «Scientific Estate» in Russia

In the article the process of formation and development of the Russian «scientific estate» – a corporation of teachers and professors of the Russian universities, is presented in the generalized view. Temporary secondariness of this process is noted in relation to Western Europe, relative small number of the staff of «the scientific estate» and simultaneous serious progress of the created schools of sciences in the field of the natural and exact sciences. The special role of the Russian state in formation and development of «the scientific estate» is emphasized. The rights and duties of teachers and professors of the Russian universities are analyzed. The high, special social status of representatives of «the scientific estate» of the Russian universities is noted.

Keywords: imperial universities, state protectionism of the higher education, the University Charter, «scientific estate», compactness, efficiency, special status.

Одно из самых распространенных определений Императорских университетов, наиболее часто звучащих со страниц публикаций, дневников, воспоминаний и даже памятников юридической мысли XIX в., – «рассадники наук» (а также «рассадники» знаний, просвещения, людей высшего образования). В сознании интеллигенции царской России прочно закрепилось отношение к университетам как к «храмам наук». И для этого были весомые причины.

Став уже в начале XIX в. средоточием российского образования и просвещения, через сто лет университеты превратились в подлинно национальные центры производства науки, формирования научной интеллигенции. Компактная в количественном отношении группа ученых-профессионалов – университетское «ученое сословие» – создала самобытные научные школы, прославившие Россию разработкой фундаментальных проблем в области естественных и точных наук, организовала сотни ученых обществ, охватывавших «все доступные пределы науки»; она основывала фонды для поддержки перспективных исследований, издавала научную литера-

туру, пропагандируя и распространяя результаты открытий и достижений, созывала научные съезды и конференции, руководила учреждением новых образовательных и научно-просветительских заведений, заботилась о реформировании высшей школы и всего народного образования России, подготавливала молодые научные кадры.

Это триумфальное шествие отечественной науки во главе с «ученым сословием» университетов отражает и статистика. Если в 1808 г. в России функционировало пять университетов, в которых обучались 875 студентов и работали 177 преподавателей [4, с. 143], то в 1913 г. в десяти университетах (не считая Гельсингфорсского) было более тридцати пяти тысяч студентов и полутора тысяч преподавателей [3, с. 354]. Если в середине XIX в. в стране действовало 20–25 ученых обществ, то к концу 90-х гг. их количество достигло трехсот сорока, и свыше двух третей из их числа вели свою деятельность за пределами С.-Петербурга и Москвы [2, с. 293, 295]. Именно университеты, составляя всего около одной шестой от общего числа учебных заведений пореформенной России [2, с. 291], играли первенствующую роль в науч-

ной жизни страны, а их влияние на развитие медицины, юриспруденции, сельского хозяйства было и вовсе монопольным, так как Академия наук не ориентировала свои исследования на прикладные отрасли знаний [5, с. 86].

Хотя по количеству университетов и других высших учебных заведений, а также по численности студентов на сто тысяч населения Россия существенно отставала от развитых стран Европы [3, с. 257], успехи, достигнутые в отечественных науке и культуре за неполные два столетия существования «флагманов высшего образования» и преимущественно благодаря им, имели непреходящее значение для процессов цивилизационного развития страны. Оказавшись в фарватере многих культурно-исторических, социально-экономических, идейно-политических изменений монархии, университеты и их «академическое словие» с середины XIX в. продолжали производить на них ускоряющее воздействие. Однако так было не всегда, и достаточно бросить ретроспективный взгляд на историю отечественных университетов, чтобы вновь в этом убедиться.

Мы помним, что сама идея университета получила право на существование благодаря Петру I. Учрежденный им при Академии наук в 1724 г. университет открывает первую страницу в истории высшего образования России. Благодаря Петру I в России начали прививаться ценности европейской культуры, в том числе университетской. Вместе с тем именно он, позаимствовав зарубежный опыт университетского образования, адаптировал его к условиям православной самодержавной монархии: в отличие от европейских прототипов, выработка основных организационных принципов существования Академического университета происходила при активном участии императора.

Государственный протекционизм высшего образования, подбор кадров управленческого персонала университетов, финансирование научной деятельности и образовательного процесса, к которым в конце XIX в. добавилась еще и детальная разработка учебных планов и программ вместе с инспектированием достигнутого в ходе обучения уровня знаний студентов, начиная с эпохи Петра Великого, превратились в национальную традицию осуществления государственной «академической политики», выражавшейся в руководстве появлявшимися по воле и инициативе императоров российскими университетами.

Университеты создавались для преодоления многовековой экономической и культурной отста-

лости России от стран Западной Европы, поэтому с самого начала их существования исследования ученых, направленные на «усовершенствование наук», были соединены с поиском эффективных педагогических средств, связанных с распространением научных знаний. Однако «производство и приумножение наук» – две цели первостепенной государственной важности – наталкивались на непреодолимые преграды: отсутствие научных кадров из «природных русских», способных организовать учебный процесс в университетах, и недостаток образованных юношей благородного происхождения, готовых предпочесть традиционным способам приобщения к дворянской культуре служение «высоким наукам», не сулившее им никаких практических выгод впоследствии. Поэтому заботы о создании «общества ученых людей» и пополнении контингента «слушателей» университетов превратились в первостепенные «государственные нужды», связанные с университетским строительством.

Неспособное в одночасье изменить ментальность дворян правительство вынуждено было допустить в Академический университет, предназначенный поначалу исключительно для представителей этого самого привилегированного в России сословия, детей мастеровых, солдат, выпускников духовных училищ, а это превращало «рассадники наук» во всесословные высшие учебные заведения, самым своим существованием бросающие вызов многовековым устоям сословной российской монархии. Вместе с тем государство никогда не отказывалось от первоначального намерения сделать университеты с их элитарной культурой притягательными для обучения дворянства, поэтому уже в первом университетском «Регламенте», а затем и в уставах университетов содержались «приманки» для дворян в виде обеспечения высоким классным чином, соответствовавшим дворянским рангам социальной иерархии, включения в дворянскую выслугу лет времени, потраченного на приобретение высшего образования, получения преимуществ при определении на службу перед лицами, не имеющими университетского аттестата, обеспечения правом на отсрочку от несения действительной военной службы. Лица низших сословий, или «подлых званий», с успехом окончившие университетский «курс», также обладали весомыми «достоинствами». Они получали возможность изменить свою сословную принадлежность, став личными дворянами; в процессе обучения они находились на государственном содержании и получали жалованье.

Наличие этих и других стимулов позволило уже в первой половине XIX в. полностью решить проблему комплектации студенческого контингента, а во второй половине XIX – начале XX столетия даже приступить к ограничению быстро разраставшегося количества универсантов путем уничтожения института казеннокоштных учащихся, возрождения сословных и введения национальных и конфессиональных запретов, составления «комплектов» студентов, то есть строгого лимитирования их численности на отдельных факультетах и в столичных университетах, приписывания абитуриентов к местным (региональным) университетским центрам.

Гораздо сложнее решалась задача создания собственных национальных научно-педагогических кадров для российских университетов, или «ученого сословия».

«Общество ученых людей», заинтересованное в усовершенствовании «высоких наук» и ответственное за их распространение среди преуспевших в учении прилежных и пытливых воспитанников, должно было сложиться, по замыслам Петра I, вместе с учреждением Академического университета. В Именном указе от 28 января 1724 г. император подчеркивал, что «университет есть собрание ученых, которые наукам высоким [филологии и юриспруденции, медицине и философии. – Т. П.] молодых людей обучают» (§ 1). Не имевшие своей научной традиции в России, эти «высокие науки» были созданием европейской цивилизации, поэтому и опыт университетского строительства вместе с первыми попытками формирования «ученой коллегии» были экстраполированы с зарубежных образцов. Первыми представителями университетского «собрания ученых» были семнадцать профессоров, «выписанных» преимущественно из Германии.

В Уставе Академии наук, разработанном Петром I, перечислялись основные обязанности академиков, которые одновременно являлись и профессорами университета: на них император возлагал и научный поиск, и распространение научного знания. Они должны были «науки производить» (§ 1, 19); обучать молодых людей, читая им «наставления», один час в день (§ 16); привлекать наиболее выдающихся способностями учеников к совместным научным изысканиям (§ 18); заботиться о широком распространении научных знаний через публичные лекции, читавшиеся, правда, на латинском языке (§ 1).

Академический университет не имел своего устава и подчинялся академическому «Регламен-

ту», утвержденному в 1747 г. Здесь указывалась еще одна обязанность профессоров из числа академиков – добросовестное отношение к своей педагогической деятельности. За пропуски лекций и опоздания на занятия профессора штрафовались на дневной оклад [1].

Требование ответственного служения науке и рекомендация соблюдать профессиональную этику, адресованные лицам, связанным с обучением молодежи «высоким наукам», будут регулярно возобновляться в университетских уставах XIX в.

В уставе первого в подлинном смысле русского университета, основанного в 1755 г. в Москве, содержались не только обязанности «учащих», то есть профессоров¹, но и их права. «Все принадлежавшие к университету члены» освобождались от постоев, полицейских повинностей, от вычетов из жалованья и всяких других государственных сборов (§ 2.4). В университете учреждался собственный суд², поэтому профессора, служащие и студенты были неподсудны общегосударственным властям и защищены от преследования карательных органов; они были независимы от всех «присутствующих мест» и подчинялись непосредственно Правительствующему Сенату (§ 2.2). Профессорам разрешалось проводить, но не в ущерб основным профессиональным обязанностям, консультации за умеренную плату (§ 6), распределять свои занятия по полугодиям, иметь время, свободное от академического труда, которое совпадало с каникулами студентов (§ 10–12).

В уставе были конкретизированы и научно-педагогические обязанности профессоров: ежедневное чтение лекций (§ 6); ежемесячная организация диспутов со студентами (§ 13); подготовка и проведение публичных диспутов по полугодиям (§ 10–12, 14); регулярная просветительская деятельность. Профессора должны были каждую субботу присутствовать на конференциях, возглавлявшихся ректором университета, для отчета по итогам изучения студентами читавшихся дисциплин. На этих «профессорских собраниях» можно было вносить предложения, направленные на усовершенствование учебного процесса (§ 7), и вместе с тем получать рекомендации от коллег, а также кураторов, представлявших интересы университета перед двором, о «порядке» преподавания дисциплины и выборе «авторов», то есть учебных руководств, которые следовало положить в основу содержания того или иного лекционного курса (§ 8).

Эти тщательно прописанные профессионально-правовые нормы организации академической

деятельности распространялись всего лишь на десять человек, поначалу задействованных на трех факультетах (медицинском, юридическом и философском) Московского университета³. По-прежнему профессорами были в основном иностранцы, как правило, немцы, «выписанные» из Германии, к которым постепенно стали присоединяться успешно окончившие «курс» Академического университета и одаренные выпускники самого Московского университета. По инициативе М. В. Ломоносова перспективных выпускников университета стали направлять за границу с целью ускоренного приобщения к науке, однако ученую степень, полученную за рубежом, следовало подтверждать при возвращении в *Alma Mater*. В 1791 г. Московскому университету было предоставлено право присуждать ученые степени, но и эта важная для формирования национального российского университета и «ученого сословия» из «природных русских» мера не принесла быстрых и обнадеживающих результатов. В первые пятьдесят лет существования Московского университета постоянно ощущалась нехватка профессоров; насущная кадровая проблема перешла в числе прочих и в XIX в., когда в России по инициативе Александра I начала создаваться система университетского образования.

В 1804 г. патриарх отечественного университетского образования – Московский университет, который уже превратился в главный российский центр научной и просветительской деятельности, получил свой новый устав. Он стал образцом для учрежденных в 1804–1805 гг. Казанского и Харьковского университетов; с ним были согласованы уставы Виленского и Дерптского университетов, открытых в 1802–1803 гг. Увеличение количества университетов, которые были призваны сыграть решающую роль в намечавшихся Александром I коренных преобразованиях общественного и государственного строя России, стало важным фактором в процессе формирования «ученого сословия». Привилегированный статус преподавателей университетов был не только сохранен, но и укреплен, благодаря тому, что составителям устава удалось объединить в гармоническое единство два основополагающих принципа устройства немецких университетов, вновь взятых в качестве образцов академической жизни и университетского преподавания: государственное регулирование и университетская корпоративная самостоятельность. «Общий» устав 1804 г. соединял государственный протекционизм с широкой университетской автономией, высокий государственный ста-

тус главных научно-образовательных центров России – с демократическими механизмами решения их внутренних вопросов, авторитет университетской администрации – со свободной от регламентации организацией образовательной деятельности. Не случайно поэтому он вошел в сознание «ученого сословия» как эталон государственно-правового регулирования деятельности университетов. Хотя устав не провозглашал свободу преподавания (из-за нехватки профессоров) и свободу учения (из-за недоверия к сознательности университетов), он наделил профессорско-преподавательскую коллегию настолько большими правами, а университеты такими значимыми «достоинствами», что его по праву можно квалифицировать первой конституцией «ученого сословия», которая позволила заложить прочное юридическое основание в процесс законодательного оформления коллектива университетских преподавателей как особой социальной группы, объединенной только ей присущими профессиональными правами и обязанностями. С этого времени «ученое сословие» начало восприниматься как особый слой людей, профессионально занятых умственным трудом, для которых он являлся основным смыслом жизни и главным средством существования. Выполнение научных и педагогических функций одновременно превращало профессорско-преподавательский состав университетов в особую группу специалистов-интеллектуалов, отличающуюся от других категорий работников умственного труда образованием, родом деятельности, положением в обществе. По мере укрепления престижа «ученого сословия» формировался и его сословный «имидж»: система ценностей и норм поведения, отражавших мировоззрение, оценки, интересы, установки, настроения, соответствовавшие статусу, востребованности, значению для общества и государства данной социальной и профессионально-корпоративной группы.

Главную роль в осознании «ученым сословием» общности своих профессионально значимых функций и в осмыслении своей «самости», обособленности от других слоев зарождавшейся интеллигенции России сыграли университетские уставы.

Устав 1804 г. определил университет как «высшее ученое сословие, для преподавания наук учрежденное», добавив, что в «нем приуготовляется юношество для вступления в различные звания государственной службы» (гл. I, § 1). Университеты вводились в систему государственных учреждений Российской империи, а это означало,

что они, в отличие от европейских прообразов, должны были служить не узкогрупповым интересам «цеха ученых», а широким общественным и государственным потребностям. Получив статус «Императорских», они приобретали покровительство Его Императорского Величества, которое в период создания новой для России социальной и профессиональной группы – «ученого сословия» – являлось надежной гарантией защиты закрепленных уставом прав и обязанностей университетской корпорации.

Главным органом власти университета был его совет, состоявший из заслуженных и ординарных профессоров, а также их помощников в учебном процессе – адъюнктов. Совет был средоточием университетского самоуправления: он выбирал представителей университетской администрации и весь состав профессорско-преподавательской корпорации (гл. I, § 13; гл. XI, § 115; гл. VI, § 54); определял порядок учебной жизни университета и изыскивал способы к «усовершенствованию преподавания наук» (гл. VI, § 54. 2, 3); контролировал выполнение правлением хозяйственных и финансовых функций (гл. VI, § 49–53); являлся высшей инстанцией университетского суда (гл. XIV, § 156). Ему были подчинены правление, регулировавшее ход текущих дел (гл. XIII, § 136), и факультетские собрания, ответственные «за ежегодное расположение системы, порядка и часов преподавания наук» (гл. VI, § 64).

В сферу компетенции совета входили многочисленные направления организации научной деятельности университета: рассмотрение перспектив открытия новых направлений обучения (гл. III, § 26, 31); ежемесячное обсуждение научных исследований, результатов открытий, новейших монографий (гл. VI, § 55); ежегодное подведение итогов изучения актуальных научных проблем, объединявших «ученые силы» факультетов, и присуждение наград профессорам за успешное решение научных задач (§ 56). Университеты могли создавать ученые общества, публиковать научные труды, иметь свои периодические издания, обладать собственной цензурой (гл. I, § 11; гл. XIV, § 187). Они проводили научную аттестацию своих кадров и присуждали ученые степени и звания (гл. IX), удостоивали почетом и признанием наиболее прославленных ученых (гл. XV, § 40–46).

Наличие наукообразующей составляющей в работе университетов становится особенно примечательным фактом, если учесть, что с 1803 г. «производство и приумножение» наук закрепля-

лись исключительно за Академией наук, университетам же поручалось только «преподавание наук».

Ни в одном университетском уставе XIX в. не содержались требования к «ученой производительности» профессоров и младших преподавателей. Однако принадлежность к «вышнему ученому сословию» поднимала самооценку профессоров и обязывала их осуществлять научные изыскания, руководить исследовательскими проектами на факультетах, заботиться о подготовке научной смены – молодых ученых, вопреки охлаждению внимания и даже принижению государством этой стороны их деятельности.

Устав 1804 г. направлял интеллект членов университетской коллегии на выполнение их прямой профессиональной функции – «преподавание наук» для юношества, поэтому в нем содержался перечень главных обязанностей профессоров: «преподавать курсы лучшим и понятнейшим образом», соединять теорию с практикой, пополнять свои «наставления» – лекции – «новыми открытиями, учиненными в других странах Европы» (гл. III, § 28). Профессора имели право при чтении лекций руководствоваться своими собственными сочинениями или утвержденными советом университета трудами авторитетных ученых (§ 29). В распоряжении профессоров были фонды университетской библиотеки, а также «учебные пособия» – кабинеты, лаборатории (гл. I, § 7; гл. III, § 33; гл. VIII, § 82). Как участники единого учебного процесса на факультетах профессора несли ответственность за окончание своего лекционного цикла в отведенные сроки (гл. III, § 30), за эффективность применявшихся методов обучения, о чем должны были свидетельствовать результаты ежегодных испытаний студентов (гл. IX, § 118, 119) и их сформированные навыки грамотных, логичных, доказательных суждений (гл. IX, § 122).

Никаких форм контроля за количеством и качеством профессорских «наставлений» устав не предусматривал – профессионализм и добросовестность научного персонала не подвергались сомнению. Под контролем находилась лишь организация учебной деятельности: определение последовательности чтения курсов и уточнение программ обучения на следующий академический год («общее расписание университетского чтения») получали законную силу только с распоряжения попечителя учебного округа (гл. VI, § 66).

За «нерадивость» преподавателя могли «удалить от должности» (гл. VI, § 69), что при нехватке представителей «ученого сословия» едва ли

применялось на практике. Напротив, профессора пытались удержать в штате даже тогда, когда случался недобор студентов: на временного безработного возлагали дополнительные административные обязанности в подчиненном университету учебном округе (гл. III, § 33).

Итак, корпоративные права «ученого сословия» в начале XIX в. складывались из гарантированного уставом участия каждого университетского преподавателя в учебной, научной, общественно-просветительской деятельности, к которой были присвоены права, порождаясь «республиканским устройством» университетов: участие в органах университетского самоуправления и руководство административно-хозяйственными, судебными и цензурными направлениями деятельности «флагманов высшего образования».

Правовой статус представителей «ученого сословия» был очень высоким. Это должно было поднять престиж и высшего научного преподавания, и профессии преподавателя университета. Щедрость устава 1804 г. в отношении наделения профессорско-преподавательской корпорации многочисленными полномочиями, правами и привилегиями может быть объяснена не только либеральными в тот период взглядами Александра I и потребностью в ученых специалистах для претворения планировавшихся перемен в жизни России, но и недопустимой в условиях вызревания нового социально-экономического уклада жизни малочисленностью коллегии университетских преподавателей, среди которых к тому же было еще немало иностранцев.

На четырех отделениях каждого университета (нравственных и политических наук, физических и математических наук, врачебных или медицинских наук, словесных наук) полагалось иметь 28 профессоров и 12 адъюнктов, трех лекторов современных иностранных языков, трех учителей «приятных искусств» и гимнастических упражнений (гл. III, § 24). В пяти университетах России в 1808 г. работало 177 преподавателей (вместо двухсот тридцати, требовавшихся по штатному расписанию), в том числе 108 профессоров⁴.

Престижность профессии преподавателя университета, подтвержденная основным законом корпоративной принадлежности – уставом, должна была привлечь в университетские коллегии, нуждавшиеся в постоянном притоке «ученых сил», преданных педагогической деятельности интеллектуалов, в том числе европейцев. Среди стимулов, поднимавших привлекательность науч-

но-образовательного труда, следует назвать наделение «ученого сословия» в 1809 г. сословно-табельными привилегиями. Обладатели ученых степеней и званий были приравнены к определенному чину по «Табели о рангах», который еще и заметно повышался при выполнении обязанностей ректора. Таким образом, преподаватели включались в общую систему чиновничьей иерархии России, которая зафиксировала место «ученого сословия» на лестнице социального престижа государственных служащих. Чин был социальной характеристикой его обладателя, символом принадлежавших ему прав и привилегий [5, с. 176]. Привлекательность чина была особенно значительна для тех преподавателей, кто не имел сословных привилегий по праву рождения. Высокие чины: VII класса (надворный советник) и V класса (статский советник) – давали право на потомственное дворянство, а следовательно, уравнивали преподавателей, не имевших по рождению высокого социального статуса, с «первенствующим сословием» Российской империи.

Библиографический список

1. Аврус, А. И. История российских университетов: Очерки [Текст] / А. И. Аврус. – М., 2001. – С. 18.
2. Бастракова, М. С. Наука: «научные средства» и «научные силы» [Текст] / М. С. Бастракова, Г. Е. Павлова // Очерки русской культуры XIX века. – Т. 3. – М., 2001. – С. 293, 295.
3. Иванов, А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века [Текст] / А. Е. Иванов. – М., 1991. – С. 208, табл. 24; 285, 354.
4. Петров, Ф. А. Российские университеты [Текст] / Ф. А. Петров, Д. А. Гутнов // Очерки русской культуры XIX века: в 6 т. – Т. 3. Культурный потенциал общества. – М., 2001. – С. 143.
5. Соболева, Е. В. Организация науки в пореформенной России [Текст] / Е. В. Соболева. – Л., 1983. – С. 86, 176.

Bibliograficheski spisok

1. Avrus, A. I. Istorija rossijskih universitetov: Oчерki [Tekst] / A. I. Avrus. – M., 2001. – S. 18.
2. Bastrakova, M. S. Nauka: «nauchnye sredstva» i «nauchnye sily» [Tekst] / M. S. Bastrakova, G. E. Pavlova // Oчерki russoj kul'tury XIX veka. – T. 3. – M., 2001. – S. 293, 295.
3. Ivanov, A. E. Vysshaja shkola Rossii v konce XIX – nachale XX veka [Tekst] / A. E. Ivanov. – M., 1991. – S. 208, tabl. 24; 285, 354.
4. Petrov, F. A. Rossijskie universitety [Tekst] / F. A. Petrov, D. A. Gutnov // Oчерki russoj kul'tury XIX veka: v 6 t. – T. 3. Kul'turnyj potencial obshhestva. – M., 2001. – S. 143.
5. Soboleva, E. V. Organizacija nauki v poreformennoj Rossii [Tekst] / E. V. Soboleva. – L., 1983. – S. 86, 176.

¹ В академическом «Регламенте» даны следующие определения по университету и субъектам образовательной деятельности: «Университет есть собрание учащихся и учащихся. Первые называются профессора, а другие – студенты». См.: *Аврус А. И.* Указ. соч. – С. 18.

² А. Андреев называет наличие университетского суда с собственными законами пережитком средневековых университетов Европы, изжитым там к началу XIX в. См.: *Андреев А.* «Национальная модель» университетского образования: возникновение и развитие (Части 1 и 2) // Высшее образование в России. – 2005. – № 1. – С. 158. – № 2. – С. 111.

³ К 1800 г. в университете было 11 ординарных и 5 экстраординарных профессоров, обучавших 68 студентов. См.: *Петров Ф. А., Гутнов Д. А.* Указ. соч. – С. 125.

⁴ В Харьковском университете к началу занятий (январь 1805 г.) было всего 25 преподавателей, в большинстве своем иностранного происхождения; в Казани имелось только два заезжих профессора и четыре адъюнкта из гимназических учителей (*Аврус А. И.* Указ. соч. – С. 29); в Московском университете работало девять профессоров, приглашенных из ведущих университетов Германии, которым поручалось читать «наставления» по совершенно неразработанным к тому времени в России научным дисциплинам: философии,

теории права, политэкономии, статистике, теории изящных искусств, античности, астрономии, химии, «натуральной истории» (См.: *Петров Ф. А., Гутнов Д. А.* Указ. соч. – С. 129). В Дерптском университете преподавали преимущественно немцы. Варшавский университет, открытый в 1816 г., имел исключительно польский характер.

Доля иностранцев среди преподавателей университетов начала сокращаться только после Отечественной войны 1812 г., составив 26 процентов против прежнего количества – 44 процентов (там же. – С. 144). Однако даже проведение политики русификации университетов, активно осуществлявшейся во второй половине XIX – начале XX в., не привело к окончательному «очищению» профессорско-преподавательских коллективов от иностранцев. Наиболее значительную их группу по-прежнему составляли немцы (лютеране). В 1917 г. их было 8 процентов (65 человек) с наибольшей концентрацией в Московском, С.-Петербургском, Юрьевском (бывшем Дерптском) университетах. Преподаватели польской национальности составляли 5 процентов (40 человек): они входили в штаты Харьковского, столичных и Варшавского университетов. В отечественные «храмы наук» не допускались только преподаватели иудейского вероисповедания. См.: *Иванов А. Е.* Указ. соч. – С. 227, 228.